

ТРАНСГУМАНИЗМ В ПЕРСПЕКТИВЕ ЭВОЛЮЦИИ СЛОЖНОСТИ

В.И. АРШИНОВ

Идеи о несовершенстве человека позволили мне сделать вывод о том, что человек является только первым поколением мыслящих существ в эволюции, в которой возникнет второе, более совершенное поколение. Затем я стал относиться к этим идеям критически.

В.С. Степин

В предлагаемой статье делается попытка развить некоторые темы, намеченные мной в предыдущей статье¹. Оправданной точкой здесь служит тезис, сформулированный в ней следующим образом: «Конечно, воззрения трансгуманистов сами по себе неоднородны и многое в них нуждается в тщательном критическом анализе. Однако я считаю гораздо более конструктивным рассматривать эти воззрения в более широком контексте формирующейся новой парадигмы сложности, ориентированной на осмысление процессов конвергенции высоких технологий со всем междисциплинарным (и трансдисциплинарным) комплексом современного социогуманитарного знания. Например, одна из разновидностей трансгуманизма — *экстропизм* — ориентируется на такие концепты как «само-трансформация», «динамический оптимизм», «интеллектуальный технологизм», «спонтанное упорядочение», «открытое общество» (Макс Мор), которые, в свою очередь, могут служить конструктивной методологической основой для осознаваемого управления процессом конвергентной эволюции социогуманитарных исследований и технологий, вовлеченных в становление так называемого NBIC-тетраэдра»².

Авторы «тетраэдрической» концепции взаимосвязи конвергентных технологий М. Роко и В. Бэйнбридж утверждают, что конвергенция реализуется как синергичная комбинация четырех быстроразвивающихся областей науки и технологии: (а) нанотехнологии и нанонауки; (б) биотехнологии и биомедицины, включая генную инженерию; (с) информационных технологий, включая продвинутый компьютеринг и новые средства коммуникации; (д) когнитивных наук, в том числе когнитивных нейронаук. Утверждается также, что сейчас эти области человеческой деятельности как эволюционно-сопряженной совокупности практик познания, изобретения и конструирования достигли такого уровня инструментального развития, при котором они должны вступить в интенсивное синергетическое взаимодействие, результатом которого явится становление качественно новой супер-нано-технонауки, открывающей перед человеком и челове-

ством новые горизонты собственной эволюции как осознанно направляемого трансформативного процесса.

Естественно, возникают вопросы: «О какой собственно эволюции идет речь: о биологической, социальной или, быть может, биосоциальной? Куда и кем (или чем) эта эволюция должна направляться? Какие формы она может принять?»³

Контекстом этих вопросов и определяется содержание дальнейшего. При этом я не ставлю своей задачей дать на них однозначные «да — нет» ответы. Вместо этого я попытаюсь показать, что сама концепция эволюции, если ее понимать как эволюцию *сложности*, а точнее — эволюцию в парадигме *постнеклассической сложности*, претерпевает трансформацию, которую наглядно можно представить как трансформацию образа иерархического восхождения (от низшего к высшему) в образ рекурсивно самоусложняющихся сетей, узлами которых являются рекурсивно самовоспроизводящиеся автопоэзисы (автопоэтические единства), находящиеся в структурном сопряжении между собой. Такой, вырастающий из синергетики, «сложностный подход» с необходимостью ставит в центр рассмотрения такие понятия как самоорганизация, рекурсия, автопоэзис, контингентность, коммуникация, «наблюдатель эволюционирующей сложности». Соответственно трансформируется и образ эволюции человека. Он превращается в образ его коэволюции с самим собой; эволюции, структурно и коммуникативно опосредованной, создаваемой им и создающей его технологической средой. Существенно также, что этот образ приобретает и свое новое космическое измерение как креативно-смысловая часть междисциплинарной концепции BigHistory, формирующей, в свою очередь, ядро современной картины мира.

Таким образом, концепция рекурсивной *антропокосмической Вселенной* сопряжена с представлением о самоорганизующейся Вселенной, которая в контексте парадигмы сложности с необходимостью предполагает включение в нее самоорганизующегося человека. Эта предельно общая формулировка нуждается в содержательном философско-мировоззренческом и методологическом раскрытии. К поставленной задаче можно подойти по-разному, в зависимости от исходных философских представлений. Одним из примеров здесь служит философско-мировоззренческая конструкция Пьера Тейяра де Шардена, раскрывающая космическую сущность феномена человека⁴. Уместно вспомнить также об интуитивизме Николая Лосского с его ключевым тезисом, согласно которому познающий субъект имеет возможность непосредственно (интуитивно) воспринимать транс-субъективную реальность⁵.

Подход, развиваемый здесь, иной. Его особенность в том, что он в большей степени ориентирован на междисциплинарный или, точнее, даже трансдисциплинарный подход в том его виде, как он формиру-

ется в настоящее время в контексте современной постнеклассической науки⁶ и методологически сфокусирован в характерном для синергетики сложности циклическом (рекурсивном) способе мышления. Для меня особое значение имеют слова, которыми Умберто Матурана и Франциско Варела *начинают заключительную*, десятую главу своей знаменитой книги «Древо познания»:

«Подобно рукам на гравюре Эшера, эта книга следовала круговому маршруту... Начало есть конец»⁷.

Конечно, в рамках одной статьи эту стратегию реально осуществить невозможно. О ней можно только сказать. Или, в лучшем случае, пунктирно наметить. Но, тем не менее, важно с самого начала подчеркнуть, что все рассуждения о рекурсивно сложностной Вселенной в рамках априорно упрощающего классического линейного мышления не могут наделить эти рассуждения каким-либо конструктивным смыслом. Мы попытаемся обрисовать необходимый для раскрытия смысла рекурсивной антропокосмической Вселенной нелинейный способ мышления, апеллируя главным образом, к авторитету двух выдающихся междисциплинарных мыслителей XX в. — Эдгару Морену и Грегори Бэйтсону. Я надеюсь, что *диалогическое* обращение к их работам поможет лучше уяснить суть трансдисциплинарной стратегии перехода к рекурсивному принципу сетевой цикличности — как основному принципу, противостоящему линейному мышлению, в рамках которого для представления об антропокосмической Вселенной, как уже говорилось, просто нет места. В свою очередь, без такого представления невозможно формирование адекватной эволюционной онтологии *становления человеческого (и постчеловеческого) бытия*, онтологии, столь необходимой нам для того, чтобы противостоять грозным вызовам цивилизации XXI в., самый последний из которых связан с грядущей нанотехнологической революцией⁸.

Итак, обратимся к Эдгару Морену — выдающемуся французскому мыслителю, внесшему большой вклад в разработку философских и методологических проблем современной постнеклассической науки как междисциплинарной науки о *сложностности*. Вот что он пишет: «Сохранить циклическую зависимость — значит отказаться от сведения сложной основной мысли к порочному принципу; значит отказаться от преувеличения главенствующего понятия (Материя, Сознание, Энергия, Информация, Классовая борьба) и т.д. Это значит отказаться от линейного размышления, имеющего свои исходный и конечный пункты. Это значит отказаться от абстрактного упрощения. Кажется, что, разрывая циклическую зависимость, мы восстанавливаем возможность абсолютного объективного познания. Но это как раз и является иллюзорным: сохранить циклическую зависимость, напротив, означает уважать объективные условия человеческого познания, которое всегда включает в себя, где-либо, логический парадокс и неопределенность.

Сохранить циклическую зависимость, поддерживая связь двух предположений, оба из которых независимо друг от друга признаны истинными, но которые опровергают друг друга, как только они вступают в контакт, — значит открыть возможность постижения этих двух истин как двух сторон одной сложной истины, снять таинственную завесу с коренной реальности, которая заключается в отношении взаимозависимости между понятиями, которые принцип разделения изолирует или противопоставляет, наконец, открыть дверь к исследованию этого отношения...

Постигнуть цикличность — это, следовательно, открыть возможность метода, который, заставляя взаимодействовать отсылающие друг к другу термины, стал бы продуцировать в ходе этих процессов и обменов сложное знание, несущее в себе свою собственную рефлексивность»⁹.

Соотнося наш подход с этими словами Э. Морена, можно сказать, что постижение цикличности — задача неразрешимая без подключения интуиции, красоты и *сложности*, постижения скрытой взаимодополнительности мужского и женского начал мироздания. А эта задача предполагает в свою очередь создание коммуникативного контакта с языком древних традиций, таких, как, например, древний язык ветвей каббалы¹⁰. Этот интуитивный коммуникативный контакт — необходимый шаг в поиске (или переоткрытии) такого «*принципа познания, который не только признает, но и раскрывает тайну вещей*»¹¹.

Именно этот принцип Морен называет принципом *сложности*. И чтобы понять его как принцип постнеклассической науки, нам как раз и необходимо циклическое мышление, особого рода нелинейная синергийная междисциплинарная коммуникация. Нам нужна идея петли, несущая в себе принцип познания, который не является ни атомистическим, ни холистическим (упрощающая целостность). Он означает, что мы можем мыслить, только исходя из когнитивной практики (активной петли), которая заставляет продуктивно взаимодействовать бесплодные понятия, являющиеся таковыми, когда они разъединены или вступают в антагонистическое противоречие друг с другом¹².

Таким образом, необходима ориентация на поиск истины, смысла и ценностей в контексте *превращения открытия сложности в метод познания сложности*. От сложности Природы к природе сложности.

«Классическая наука была не способна понять объект науки, и именно потому, что ученый был не способен понять самого себя как субъекта науки... *Устраняя самого познающего, никогда нельзя продвигаться в познании сложного*. Познание с необходимостью становится, таким образом, коммуникацией, петель, между познанием (фено-

меном, объектом) и познанием этого познания. Именно исходя из идеи петли и метасистемы, нам, по-видимому, следует понимать познание, которое порождает в то же время свое самопознание... Итак, изменяя и обогащая смысл слова “познавать”, сложность призывает нас к изменению и обогащению смысла слова “действие”, которое в науке, как и в политике, и трагически — именно тогда, когда оно хочет быть освобожденным, всегда становится манипулированием и порабощением, причем в их крайних формах. Мы можем смутно предвидеть, что наука, которая открывает возможности для самопознания, которая открывается на космическую взаимосвязанность и солидарность, которая не разрушает облик налично существующих образований и существ, которая признает наличие тайны во всех вещах, по-видимому, сможет предложить такой принцип действия, который не упорядочивает, а организует, не манипулирует, а устанавливает коммуникативную связь, не управляет, а воодушевляет»¹³.

Здесь уместно заметить, что такое по сути рекурсивное понимание коммуникации характерно для Эдгара Морена, как оно представлено на страницах уже неоднократно цитировавшегося нами его фундаментального трактата «Метод. Природа природы». Обратимся к нему еще раз. Вот что он пишет: «В ходе написания моего трактата я одновременно и опирался на кибернетическую теорию, и противостоял ей... Достоинства кибернетики заключаются не только в том, что она привнесла пучок обогащающих науку понятий, таких как обратное действие по отношению к взаимодействию, петля по отношению к процессу, регулирование по отношению к стабилизации, финальность по отношению к казуальности, — все эти идеи становятся отныне безусловно необходимыми для постижения физических, биологических, антропосоциальных феноменов. Суть дела заключается не только в том, что она завязала в пучок идеи управления и коммуникации и создала пучок посредством этих идей, но и в том, *что она связала все эти термины организационным образом и тем самым произвела на свет первую общую науку..., имеющую в качестве своего предмета организацию...* Винер, посвящая себя изучению кибернетических машин, упустил возможность разработать теорию машины. Но хотя он с самого начала искажил эту теорию, он все же совершил экстраординарное открытие коммуникативной организации, без которой отныне нельзя предпринимать попытки осмысления того, что представляет собой живое, человеческое, социальное»¹⁴.

Здесь следует добавить: и **духовное**. То, что дело обстоит именно таким образом, следует и из антропной «кибернетики второго порядка» Бейтсона, (существенно отличающейся от кибернетики Винера), из его сетевой парадигмы, ориентированной на **коммуникативную** онтологию рекурсии, понимаемой как системное обобщение ключевой идеи обратной связи. Как и Э. Морен, Бейтсон может

рассматриваться в качестве одного из основоположников сетевой коммуникативной парадигмы освоения мироздания, постигаемого во всей его сложности, — парадигмы, в которой есть место для духовного измерения человеческого бытия, которое не ограничивается только человеческой телесностью. Бейтсон, как и Морен, отстаивал нелинейно-коммуникативный сетевой взгляд на мир, делая акцент не на вещах, а на отношениях между ними. Для Бейтсона мир — это сеть, состоящая из взаимосвязанных элементарных ячеек, нелинейных коммуникативных единиц, гештальтов, эволюционирующих единиц «организм-в-своей-окружающей среде». Согласно Бейтсону, «мир состоит из очень сложной сети (т.е. даже не цепи) сущностей, имеющих подобный тип взаимоотношений с той только разницей, что многие из этих сущностей имеют свои собственные источники энергии и, возможно, даже свои собственные идеи о том, куда они хотели бы двигаться»¹⁵.

В итоге мироздание предстает как становящаяся сеть процессов, характеризующихся обратными связями, благодаря которым происходят обмены веществом, энергией, информацией и, наконец, посланиями, смысл которых мы призваны стремиться разгадать. И тогда, согласно Бейтсону, носителем сознания и разумного поведения (если принять, что последнее состоит в способности к саморегуляции, к самообучению через оптимизацию самого себя) будут выступать и мозг, и человеческое тело, и даже окружающая среда, причем в таких сложных системах с обратной связью нет фиксированных центров управления (типа *Cogito*). Любое центрирование здесь — не что иное, как отсутствие системной мудрости, ибо разум при таком подходе присущ не только человеку, но, в конечном счете, и миру в целом.

Тогда уместно еще раз вернуться к Э. Морену, который писал: «Чтобы понять науку, нельзя отстраниться от проблемы *наблюдений*, которые фиксируют как тайное послание то, что получает из внешней Вселенной сознание, которое замкнуто в самом себе и в своем обществе *здесь и теперь*, сознание, которое может найти в самом себе и в своей культуре не только идеологию иллюзии, но и идеи для толкования наблюдения. Тогда обнаруживается ключевая проблема, которая является нашей проблемой: это проблема парадокса, загадки, сложности гордиева узла с его двойным переплетением:

1) переплетение объекта-космоса и познающего субъекта, где космос охватывает и порождает познающего субъекта, который появляется как крошечный и мимолетный элемент/событие в космическом становлении, но где в то же время познающий субъект охватывает и порождает космос в своем собственном видении;

2) переплетение космофизической Вселенной и антропосоциальной Вселенной, где каждая по-своему порождает другую, будучи всецело зависимой от другой.

Неведомое, неопределенное, сложное находится как раз в этих связях и переплетениях. Сумеет ли мы сделать из неопределенности фермент сложностного познания? Узнаем ли мы, как включить познающего в познание и понять познание в его многомерном укоренении? Сумеет ли мы разработать метод для постижения сложности? Я знаю: риск неудачи в такого рода предприятии в высшей степени вероятен»¹⁶.

И эта личностно выстроенная Мореном программа поиска «понимания познания в его многомерном укоренении» как раз формирует один из тех резонансных топосов, коммуникативных узлов («двойных связей» по Бейтсону), где структурно сопрягаются автопоэзисы постнеклассической науки и как открывающей, и как конструирующей антропокосмическую Вселенную.

Понимание особенностей постнеклассической междисциплинарной и трансдисциплинарной позиций Э. Морена и Г. Бейтсона в нашем случае особенно важно, ибо именно для них характерен поиск выхода за пределы классической ньютонианско-картезианской реальности в направлении системно-коммуникативного сочетания сетевого и иерархического подходов. А этот выход, подчеркну, представляет собой ключевую проблему эволюционного понимания трансгуманизма и постгуманизма в парадигме эволюционной сложности. Как уже отмечалось ранее, мироздание по Бейтсону иерархизировано. Каждая сложная система (со своими метаболизмами) существует в контексте охватывающей ее более сложной системы, с которой она находится в особом коммуникативно-структурном сопряжении и которая качественно определяет ее поведение. Такая иерархия контекстов может быть истолкована как иерархия миров или иерархия сетевых разумов, приписываемых уже не только человеческому существу. Таким образом, Бейтсон пытается решить сквозную для западного мышления проблему взаимосвязи имманентного и трансцендентного, проблему их жесткой дихотомии. Во всяком случае, понимание разума у Бейтсона не укладывается в рамки картезианско-кантовской интерпретации разумно-рассудочной деятельности субъекта. Тогда невнимание к таким особому рода способностям (шестому чувству), эгоистическое стремление представить собственное Я в качестве последней управляющей и познающей инстанции — еще один показатель отсутствия системной мудрости. В противовес эгоистической установке сознания Бейтсон настаивает на существовании более обширного (системного) Разума, где индивидуальное сознание — лишь подсистема. Такой системный Разум можно сравнить с Богом. В отличие от Фрейда, «расширившего концепцию разума вглубь ради включения всей внутрителесной коммуникативной системы (автономной, связанной с привычками), а также широкого спектра бессознательных процессов»¹⁷, Бейтсон расширяет разум вовне.

Вернемся теперь к основному для нашей темы узлу рекурсивной коммуникации как «несущей конструкции» идеи антропокосмизма. Этот узел располагается на многомерном пересечении трех структурно сопряженных дискурсов: 1) постнеклассической философии; 2) синергетики как рекурсивной, циркулярной коммуникации в онтологии сложностного мира и 3) высокой «помнящей» культуры.

И главная мысль здесь достаточно проста: для формирования новой системы трансгуманистических и постгуманистических ценностей как предпосылки выхода из глобального цивилизационного кризиса человек уже не может воспользоваться каким-то одним видом знания — как научного, так и вненаучного. Речь идет о становлении нового антропокосмического миропонимания, в контексте которого человеческое существование обретает свое подлинно глобальное, космологическое духовно-смысловое измерение.

Конечно, при этом не стоит забывать также и о весьма примечательном признании Морена: «Я знаю: риск неудачи в такого рода предприятии в высшей степени вероятен».

В самом деле, «исследование “природы Природы” невозможно осуществить без поиска метода, с тем, чтобы понять ключевые связи Объект/Субъект, Природа/Культура, *Physis*/Общество, которые скрыты и оборваны в простых элементах знания»¹⁸.

А найти этот метод понимания ключевых связей, «скрытых и оборванных в простых элементах знания» — значит понять, что, во-первых, такие связи по своей природе являются прежде всего обратными и коммуникативными и, во-вторых, метод понимания этих связей может быть выработан только в (мета)контексте постнеклассических междисциплинарных исследований. Но такого рода исследования предполагают сборку нового трансдисциплинарного субъекта, способного к диалогу с трансцендентальными субъектами духовной культуры. Однако в готовом виде эти субъекты отсутствуют. Есть только их постнеклассический мегапроект. Сборка этих субъектов, их становление и есть одновременно (по принципу цикличности) восстановление утраченных (оборванных, забытых, редуцированных по Бейтсону) ключевых обратных связей.

Но такая работа (своего рода археология познания) сопряжена с многочисленными сложностями, связанными помимо всего прочего и с тем, что исследователи разделены не только профессиональными границами, но и экзистенциальными установками, определяющими их системы ценностей. Отсюда необходимость в создании новых кросскультурных метакоммуникаций, в которых и формируются, становятся трансдисциплинарные, транскультурные и трансцендентальные субъекты. Виртуальным образом такие коммуникации и субъекты уже существуют (становятся, или открываются заново) в современной постнеклассической науке, культуре и философии.

Именно акцент на постнеклассической междисциплинарности и рекурсивно-коммуникативном характере научного поиска позволяет взглянуть на его взаимоотношения с высокими культурами древности, системами традиционных знаний и духовных практик с позиций диалога, субъект-субъектного, а не субъект-объектного взаимодействия. От классической кибернетической схемы, в которой коммуникация подчинена управлению, а потому дегуманизирована и деформирована, мы переходим к ее постнеклассической версии (которой, по сути, и является синергетика), где управление и коммуникация находятся в рекурсивно сложном, дополнительном, «осциллирующем» отношении. Таким образом, мы приходим к проекту коммуникативной онтологии сетей наблюдаемых и наблюдающих, означаемых и означающих, интерпретируемых и интерпретирующих; проекту, в котором делается акцент на циклическую герменевтику понимания, а также на поиск высших управляющих параметров порядка, коммуникативно-синергичная подчиненность которым гармонизирует жизнь человека и определяет в конечном счете ее смысл.

Подчиненность этой реальности можно рассматривать как одно из проявлений синергетического принципа подчинения (Г. Хакен). Поиск высших реальностей — это поиск высших параметров порядка в синергетическом (иерархически-сетевом) пространстве кольцевых причинно-следственных связей. Если реальность интерпретируется как продукт коммуникативных самоорганизующихся процессов, то появляются основания говорить о многообразии реальностей, построение (или открытие) которых уже не может осуществляться только посредством (или на основе) рационалистической интуиции в духе Декарта. Здесь, скорее, более уместна интуиция в духе Н. Лосского. Не имея возможности рассматривать этот вопрос в подробностях, отмечу только, что нам сегодня так или иначе необходима интуиция сложностного самоорганизующегося антропокосмического бытия, которая была бы также инструментом выхода за пределы классической когнитивной парадигмы Евклида — Декарта — Ньютона и соответственно, перехода в существенно нелинейный и сложностный мир взаимосвязей порядка и хаоса, в мир связующих паттернов Эдгара Морена и Грегори Бейтсона.

Итак, мы находимся перед выбором. И различия в этом выборе — это различия в выборе ключевых принципов познания и проектирования, их соподчиненности, приоритетности. А этих ключевых принципов, вообще говоря, всего два. Первый — принцип разделения, упрощения, разъединения. Второй — *принцип сложностности*, принцип рекурсивного соединения того, что было разъединено. Мы выбираем парадигму соединения с ее принципом сложностности, подчиняя ему принцип разделения и упрощения.

Итак, субъект сложностного познания и конструирования постнеклассической науки — это для нас, прежде всего, сложностный субъект — двуединство наблюдателя-участника и наблюдателя его в этом качестве наблюдающего, — осознающий себя в интертекстуальном метаконтексте многообразных междисциплинарных и кросскультурных коммуникативных практик. Постнеклассическая наука имеет дело с субъектом, который становится в контексте исторического времени, в контексте открытого диалога с культурой. Она стремится зафиксировать становящуюся реальность в качестве реальности, создаваемой не только наукой, но и современными высокими информационными технологиями; зафиксировать ее в качестве реальности, создаваемой в процессе диалогического коммуникативного взаимодействия с культурой, в качестве реальности, порождаемой процессом соотнесения человека с самим собой, посредством его эволюционно-космологического измерения. Именно в этом русле поиска гуманистических ориентиров, ценностей человеческой солидарности и альтруизма традиционные ценности высоких культур древности становятся важным источником позитивных познавательных импульсов для креативного преодоления картезианского эгоцентризма и разделительного дуализма, для решения проблемы взаимосвязи тела и разума в контексте перехода к новой парадигме сложности.

Весь этот процесс можно также рассматривать как процесс восхождения и децентрации, причем в качестве исходного пункта такого восхождения можно рассматривать классического субъекта (галилее-лапласовского типа), страстно стремящегося постичь реальность «как-она-есть-на-самом-деле», «по ту сторону» изменчивого мира человеческих эмоций и ощущений. Второй шаг — неклассический субъект квантово-релятивистской физики. Для такого субъекта познания (за которого ратовали и Гейзенберг, и Бор) реальность выступает как то, что создается в мысленных и натуральных экспериментах, а также благодаря рефлексии над ними. Что же касается постнеклассического субъекта (субъекта, к которому отсылают и Пригожин, и Морен, и Бейтсон), то он рождается в рефлексивных практиках «второго порядка», формирующих коммуникативную реальность «нового диалога человека и природы», причем процесс объективации такой природы превращает его в субъекта — носителя ценностно-познавательного экологизированного сознания.

Включение *многопетлевого процесса осознания* требует соответствующих инструментов для практической духовной работы в области трансцендентного. И нам нужно познать природу замыкания этих *петель осознания*.

Теперь мы готовы к тому, чтобы утверждать: постнеклассическая парадигма — это, прежде всего, *парадигма конструктивности и слож-*

ностности. И тогда метапринципу сложностности оказываются подчиненными такие принципы постнеклассической науки, как синергийность, самоорганизация, нелинейность, наблюдаемость, ответственность, коммуникативность, иерархичность, цикличность, дополнительность. В парадигме сложностности представление об обществе, основанном на знании, мудрости и коммуникации, должно расширяться до понятия рефлексивно-сложностного общества как такого общества, для которого нередуцируемая сложностность — фундаментальная ценность, предпосылка целенаправленной трансформации ценностного сознания от эгоизма к альтруизму как необходимого условия выживания человечества в XXI в. Вот как поэтически об этом пишет философ сложности нашего времени Эдгар Морен: «Трудно понять сложность, и не потому, что она является запутанной (сложность не есть запутанность), а потому, что все то, что состоит во введении новой парадигмы, очень трудно понять...

Сложность... выкапывает и реанимирует невинные вопросы, которые мы были вымуштрованы забывать и презирать... Упрощение — это грубая рационализация, а не невинная идея (как бы далеко мы ни углублялись в архаическую мифологию, мы никогда не находим в ней простую идею, мы всегда находим сложный миф). Добродетель Сермона в горах, невинного руссоиста, идиота Достоевского, пушкинского блаженного, плачущего в «Борисе Годунове» — это нечто, лежащее за пределами царства абстрактной идеи, которая как неэнтропийно слабая, находится ниже ватерлинии ничтожнейшей живой реальности: эти невинные люди выражают самую богатую коммуникативную сложность, которая только может быть порождена жизнью, — сложность любви...

Сложность — это прогресс познания, который приносит нам неведомое и таинственное. Тайна не открывается только избранным; она освобождает нас от всякой бредовой рационализации, которая претендует на то, чтобы свести реальное к идее, и она несет нам, в поэтической форме, весть о непостижимом и невероятном»¹⁹.

К этим словам трудно что-то добавить. Осталось только сказать несколько слов в заключение.

Кризисная ситуация макросдвига (Э. Ласло)²⁰, в которой сейчас находится наша земная цивилизация, растущая нестабильность, неопределенность, грозящая нам антропологическая катастрофа, стимулируют поиски выхода на новый уровень процессов мышления, сознания и *осознавания*. Для меня этот выход сопряжен со становлением связующей парадигмы процессуальной сложностности, в рамках которой возникают новые предпосылки для конструктивного диалога науки, философии и высокой духовной традиции (существенной частью которой является, восходящая к исихазму традиция русского православия).

Соответственно, в этом диалоге формируется и новое понимание рациональности и интуиции, включающее в себя миры человеческой мысли, чувства, желания, креативного воображения. Эти миры синергично объединяются рефлексивно-коммуникативной петлей их ценностного осознания, важная часть которого формируется в чувстве интуитивно воспринимаемой *красоты*. И есть надежда, что эта новая синергичная рациональность вместе с интуицией высоких порядков **сложности** мироздания поможет человечеству как единству в его многообразии конструктивно осознать свою ответственность за собственное (пост)человеческое бытие в XXI в. И в качестве последнего заключения процитирую С.С. Хоружего: «Человека неотвратимо ждут радикальные изменения. Если он сумеет осмыслить заново свою “человечность”, точно определив, чему в ней надлежит быть строго хранимым, а чему — меняться и обновляться, — эти изменения еще могут стать не крахом Человека, а его обновлением. А парк новых технологий — стать частью ресурсов обновления»²¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Аршинов В.И.* Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистические преобразования в контексте парадигмы сложности // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии и трансгуманистическая эволюция / под ред. проф. Д.И. Дубровского. — М.: МБА, 2013.

² Имеется в виду фигура, объемно-геометрически представляющая эмерджентную совокупность (NBIC) попарных взаимодействий конвергирующих технологий: Nano-Bio-Info-Cogno-процесс.

³ *Аршинов В.И.* Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистические преобразования... С. 97 — 98.

⁴ См.: *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. — М., 2001.

⁵ См.: *Лосский Н.* История русской философии. — М., 2007. С. 352.

⁶ См.: *Степин В.* Теоретическое знание. — М., 2000.

⁷ *Варела Ф., Матурана У.* Дерево познания. — М., 2001. С. 211.

⁸ См.: *Альтман Ю.* Военные нанотехнологии. Возможности применения и превентивного контроля вооружений. — М., 2006.

⁹ *Морен Э.* Метод. — М.: Канон-плюс, 2013. С. 43 — 44, 45.

¹⁰ См.: *Аршинов В., Лайтман М., Свирский Я.* Сфирот познания. — М., 2007.

¹¹ *Морен Э.* Метод. С. 48.

¹² Там же. С. 453.

¹³ Там же. С. 461 — 462.

¹⁴ Там же. С. 393 — 304.

¹⁵ *Бейтсон Г.* Экология разума. — М., 2000. С. 293.

¹⁶ *Морен Э.* Метод. С. 127.

¹⁷ *Бейтсон Г.* Шаги в направлении экологии разума. Избранные статьи по теории эволюции и эпистемологии. — М.: КомКнига, 2005. С. 187.

¹⁸ *Морен Э.* Метод. С. 127.

¹⁹ Там же. С. 456 — 458.

²⁰ См.: *Ласло Э.* Макросдвиг. — М., 2004.

²¹ Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте / отв. ред. С.С. Хоружий. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 785.

Аннотация

Статья посвящена обсуждению проблем трансгуманизма и постгуманизма в эволюционной перспективе. Показывается необходимость инновационного расширения концепции эволюции человека в ее антропосоциальном и космическом измерениях. Подчеркивается конструктивная роль принципов рекурсивности и сложности Эдгара Морена как основных инструментов выстраивания синергийной междисциплинарной коммуникации в эпоху макросдвига, растущей неустойчивости и неопределенности, в эпоху, когда человек вступает в коэволюцию с самим собой.

Ключевые слова: коммуникация, рекурсия, сложность, постнеклассическая парадигма.

Summary

The article discusses the problems of transhumanism and posthumanism as far as evolution is concerned. It shows the need to innovatively expand the concept of human evolution in its anthroposocial and cosmic dimensions, and stresses the constructive role of Edgar Morin's principles of recursiveness and complexity as the main instruments of organizing synergetic interdisciplinary communication in the age of macroshift, growing instability and uncertainty, in the age when human starts to co-evolve with himself.

Keywords: communication, recursion, complexity, postnonclassical paradigm.